

А
ЮРІЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ.

Очерки
Армянской литературы
и жизни.

ДРУГІЕ ТРУДЫ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Армянскіе Беллетристы, сборникъ, изданный въ сотрудничествѣ съ М. Берберьяномъ. М. 1893 (распродано).

Пепо, комедія Габр. Сундукьянца, перев. А. Цатуріана и Ю. Веселовскаго, со вступит. этюдомъ Юрія Веселовскаго. М. 1896 (распродано).

Стихотворные переводы (изъ Гейне, Ибсена, армянскихъ поэтовъ). М. 1898 (распродано).

* **Литературные очерки** (Женская доля въ изображеніи армянскихъ литераторовъ, Древнѣйшій періодъ армянскаго театра, Грибоѣдовъ и армяне, Мкртичъ Бешикташлянъ, Байронъ на островѣ Св. Лазаря, Поэзія Пушкина въ преддверіи Азіи, и мн. др.) М. 1900. Цѣна 2 руб.

* **Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ**. Этюдъ съ портретомъ Эмиля Золя и беллетристическимъ приложеніемъ. Цѣна 75 коп.

* **Армянскій поэтъ С. Шахъ Азизъ**. I. Критическій этюдъ. II. Избранныя сочиненія Шахъ-Азиза въ переводѣ И. Гриневской, О. Чюминой, Ю. Веселовскаго, С. Головачевского и др. Заглавный листъ и иллюстраціи работы художника В. Я. Суреньянца. II-е изд. Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ книгъ, отмѣченныхъ звѣздочкою (*),—у Ю. А. Веселовскаго, Москва, Селезневская, № 13, кв. 1.

Изданіе М. С. Мурадова.

Юрій Веселовскій.

Очерки армянской литературы и жизни.

Типографія М. С. Мурадова, Армавиръ.

1906.

Дозволено цензурою. Москва, 2 Сентября 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, вошедшія въ составъ настоящаго сборника, первоначально были напечатаны (въ 1900—1905 г.г.) въ „Новостяхъ“, „Петербургской Жизни“, „Бакинскихъ Извѣстіяхъ“, „Донской Рѣчи“ и „Новомъ Обозрѣніи“. Авторъ счелъ себя въ правѣ, соединивъ эти статьи въ одну книгу, снова предложить ихъ вниманію читающей публики—въ виду того, что число газетныхъ или журнальныхъ статей и специальныхъ книгъ, посвященныхъ армянской литературѣ и жизни, у насъ все еще очень невелико, и каждый новый вкладъ въ дѣло ознакомленія русской публики съ армянами можетъ принести долю пользы. Выпуская въ свѣтъ этотъ сборникъ, заключающій въ себѣ статьи, относящіяся къ дѣятельности отдѣльныхъ армянскихъ писателей (Патканьяна, Шахъ-Азиза, Сундукьянца, Туріана, Пароньяна, Наръ-Доса, Чубара и др.), къ вопросу о западномъ вліяніи въ армянской литературѣ или о нѣкоторыхъ попыткахъ иностранныхъ литераторовъ обрисовывать армянскую дѣйствительность, авторъ приноситъ искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ, кто помогать ему совѣтами и указаніями въ ту пору, когда создавались эти критическіе очерки, характеристики, историческія справки.

Армянская литература и русская публика.

Мнѣ живо вспоминается то время,—оно кажется теперь такимъ отдаленнымъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло всего 10—15 лѣтъ,—когда сдѣланы были первыя серьезныя попытки познакомить русскую читающую публику съ армянскою литературою, а черезъ ея посредство—съ армянскою жизнью. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!.. Прежде чѣмъ говорить объ армянской литературѣ, ея задачахъ и главныхъ представителяхъ, необходимо было—странно сказать!—почти что доказывать, что существуетъ вообще подобная литература.

Для многихъ это было настоящимъ откровеніемъ. Даже люди болѣе образованные, имѣвшіе смутное представленіе о томъ, что у армянъ была когда-то богатая древняя письменность, вспоминавшіе даже при случаѣ имя Моисея Хоренскаго, впервые узнавали въ 90-хъ годахъ минувшаго вѣка о существованіи *новой* армянской литературы, съ ея особыми запросами, идеалами, культурною программой.

Я помню, какъ одна интеллигентная дама, услышавъ, какъ при ней говорили объ армянахъ, объ армянскомъ студенчествѣ, пресерьезно спросила:

—„Скажите, что же у нихъ, у этихъ армянъ, *и языкъ свой есть?*“.

Комментаріи излишни,—не правда ли?..

Тѣ лица, которыя, вопреки всему, хотѣли тогда знакомить русскаго читателя съ армянскою литературою и жизнью, должны были выносить немало разныхъ мытарствъ, долго и настойчиво добиваться того, къ чему они стремились, бороться съ равнодушіемъ и отсутствіемъ интереса,—съ трудомъ отвоевывать доступъ въ тѣ или другія періодическія изданія для статей по армянской литературѣ или переводовъ съ армянскаго... Во многихъ редакціяхъ подобныя статьи или переводы встрѣ-

чали самый холодный, индифферентный прием, и лицо, их приносившее, рисковало услышать, отзывавшийся слишком прозрачным неудовольствием, возглас: *„Опять об армянах? Какъ вы съ ними носитесь!“*

Если иные опыты популяризации армянской литературы удостоивались, въ концѣ концовъ, напечатанія, то все же это приходилось брать съ боя, иногда дожидаясь по нѣсколько мѣсяцевъ очереди, — тогда какъ статьи по другимъ вопросамъ появлялись безъ всякаго промедленія, — или съ изумленіемъ выслушивая отъ руководителя того или другого органа, напр. такое *предложеніе* равносильное требованію: *„Не согласитесь ли вы исключить изъ вашего очерка строкъ 500, — вѣдь это даже въ вашихъ интересахъ, гораздо сильнѣе будетъ впечатлѣніе!“*.. И вотъ авторъ статьи долженъ былъ или уродовать свою работу, или отказываться отъ возможности лишній разъ замолвить слово за армянскую литературу и за тотъ народъ, который ее создалъ...

Такъ обстоило дѣло въ такихъ органахъ, которые въ другихъ отношеніяхъ считались очень передовыми, отзывчивыми, широко смотрящими на вещи, — до известной степени, быть можетъ, даже заслуживали подобной репутации. Что же сказать объ органахъ противоположнаго направленія, какъ будто поставившихъ себя задачею — ссорить между собою мирно уживавшіеся, не имѣвшие особыхъ поводовъ къ столкновеніямъ народы и племена, искусственно вызывавшихъ рознь и взаимное недоверіе, видѣвшихъ въ терпимости и безпристрастии только слабость, малодушіе, чуть ли не измѣну своему народу?.. Въ этихъ органахъ гораздо больше и чаще писали, если не объ армянской литературѣ, то о самихъ армянахъ, но уже въ совершенно особомъ, специфическомъ духѣ...

Положеніе дѣлъ было, по-истинѣ, плачевное: съ одной стороны — полный индифферентизмъ, безпричинное игнорированіе, отсутствіе интереса ко всему, что происходитъ на окраинахъ, съ другой — огульные обвиненія, инсинуации, пристрастные оцѣнки, на которыя положительно *негдѣ* было отвѣчать, даже если-бы этому не мѣшали нѣкоторые другія обстоятельства!

А въ самомъ обществѣ, среди „большой публики“, — сколько было предвзятаго, узкаго, несправедливаго и нетерпимаго по отношенію къ армянамъ!.. Попытки установить правильную

точку зрѣнія, раскрыть современное положеніе армянъ, ихъ историческое прошлое, выяснить истинныя причины возникновенія тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ національнаго характера, въ томъ числѣ и отрицательныхъ, разбивались объ упорное нежеланіе многихъ людей, иногда — отнюдь не злыхъ и не жестокихъ по натурѣ, разобратъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, вѣснить доводы *за* и *противъ*, пересмотрѣть заново старые приговоры и оцѣнки, вызванные предразсудками и прочно укоренившимся предубѣжденіемъ... Вы имъ говорили о Раффи, Патканьянѣ, Айвазовскомъ, Назарьянцѣ, Лорисъ-Меликовѣ, Адамьянцѣ, — они вамъ отвѣчали шуточками, попытками изломать свою рѣчь „на армянскій манеръ“, глупыми и отнюдь не смѣшными анекдотами или рассказами про какого-нибудь единичнаго армянина, котораго, быть можетъ, даже не они сами имѣли случай узнать ближе, а развѣ только какіе-нибудь ихъ знакомые или родные, и который оказался плутомъ или мошенникомъ...

Можно ли было столкнуться при такихъ условіяхъ? Съ одной стороны: „культурное возрожденіе армянъ, возникновеніе національной литературы... критическое отношеніе молодого поколѣнія къ недостаткамъ своего народа... здоровыя задатки у населенія армянскихъ деревень... идеалы и мечты армянскихъ поэтовъ“, съ другой: „армяшки“, „восточные челоѣки“, „армэны съ балшимъ носомъ“, „дюша мой ходи на мою лавку“, и пр., и пр.

И потомъ, это слово „армяшки“, которое подобно слову „жиды“, казалось бы, должно быть вычеркнуто изъ лексикона образованнаго, культурнаго челоѣка!.. Какъ обидно и прискорбно было слышать его изъ устъ людей, которые безусловно „вѣдали, что творили“, къ которымъ можно было предъявлять самыя строгія требованія!

Повидимому, это — мелочь; то или другое обозначеніе для известнаго народа не предполагаетъ непременно враждебнаго, непримиримаго къ нему отношенія, желанія ему вредить или преслѣдовать его; но можетъ ли быть рѣчь объ истинномъ благородствѣ и джентльмэнствѣ въ международныхъ отношеніяхъ, пока уничижительныя клички считаются вполне уместными названіями для цѣлыхъ народовъ, произносятся вполне спокойно, во всеуслышаніе, какъ нѣчто находящееся въ порядкѣ вещей, а въ иныхъ случаяхъ проникаютъ на страницы